

Андрей ГАНИН,
кандидат исторических наук

«СМОЛЕНСК ПРОДИКТУЕТ СВОЮ РОЛЬ МОСКВЕ»

Военная элита и подготовка бонапартистского переворота в СССР*

«Нельзя пассивно ждать, пока Смоленск пожелает продиктовать свою волю Кремлю»¹, — писал глава ОГПУ Феликс Эдмундович Дзержинский своему заместителю Вячеславу Рудольфовичу Менжинскому 1 января 1924 года. В этой фразе главного чекиста выражалась тревога в связи с возможным военным переворотом в СССР, а центром заговора считался штаб Западного фронта в Смоленске. Однако автором этой броской фразы был не сам Дзержинский, который лишь воспроизвёл то, что прочитал накануне написания записки. До сих пор оставалось неизвестным, откуда появились эти пронзительные строки. Поиски в личном фонде Дзержинского в РГАСПИ позволили ответить на этот вопрос.

Предыстория событий была такова. По окончании Гражданской войны активно развернулся процесс сокращения и реформирования Красной армии. Однако прекрасно знавшие историю Великой французской революции большевистские лидеры крайне боялись возможного Термидора. Его угроза для партийцев в то время могла исходить из армейской среды. Положение осложнялось ожесточённой борьбой за власть в самой партии. Многие исследователи сходятся на том, что наиболее вероятным лидером возможного Термидора мог стать командующий Западным фронтом Михаил Николаевич Тухачевский. Сталин и его союзники в Политбюро особенно опасались возникновения коалиции Тухачевского с председателем РВС СССР Троцким. В случае конфронтации за вождями РККА вполне мог пойти высший состав, в особенности военспецы.

Прямой вызов сталинской группировке в Политбюро — триумvirату Сталина, Л. Б. Каменева и Г. Е. Зиновьева — был брошен 21 декабря 1923 года, когда в военной школе имени ВЦИК против Зиновьева выступил бывший видный деятель Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания, в прошлом эсер, Я. С. Дворжец². Инциденту было сразу придано большое значение, вплоть до обсуждения на заседании Политбюро 24 декабря. Ситуация усугублялась тем, что Дворжец был сотрудни-

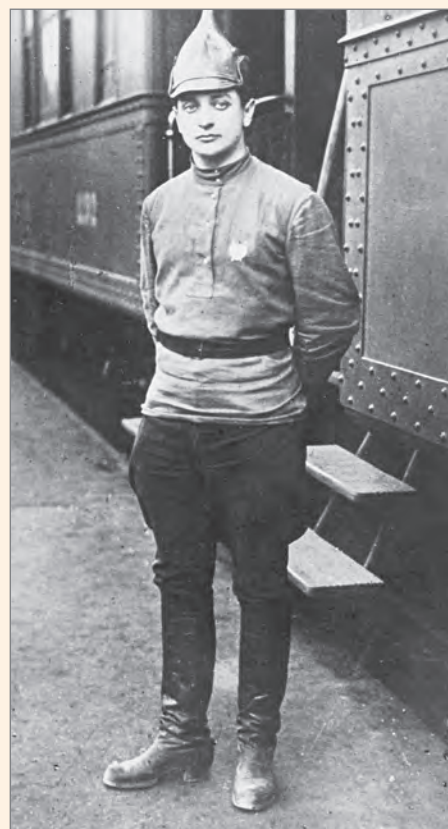
ком начальника политуправления РВС СССР В. А. Антонова-Овсеенко и явно действовал по указанию начальства, а школа имени ВЦИК несла охрану Кремля. В результате инцидента Антонов-Овсеенко 27 декабря направил в Политбюро ультимативное письмо, в котором недвусмысленно намекал на возможность военного переворота в стране.

Однако эти выступления оказались ошибкой сторонников Троцкого, преждевременно раскрывших карты и тем самым напугавших своих противников. В результате Сталин при поддержке руководства ОГПУ и части членов Политбюро переиграл оппонента. При этом позиция Троцкого по данному вопросу неизвестна, как неизвестно и то, был ли он причастен к действиям Антонова-Овсеенко.

Для упреждения создания коалиции Троцкого с Тухачевским чекисты в интересах сталинской группировки собирали компрометирующие Тухачевского материалы, позднее официально оформленные как партийное расследование. Собранный компромат вывел Тухачевского из политической борьбы в самый напряжённый момент. Итоги этой истории известны. Михаил Николаевич 6 марта 1924 года был снят с поста командующего Западным фронтом, став вторым помощником начальника Штаба РККА. Тем самым он оказался лишён руководства реальной вооружённой силой.

Публикуемый ниже меморандум по делу «Корсиканцы» проливает свет на механизмы получения информации ОГПУ, а также на обстоятельство истории «заговора Тухачевского» 1923–1924 годов. Название дела, данное чекистами, вполне характерно. Как известно, самым знаменитым корсиканцем являлся Наполеон Бонапарт, а целью дела было упреждение возможного бонапартистского переворота в СССР.

Меморандум приоткрывает завесу тайны над тем, как действовали органы госбезопасности в отношении бывших офицеров, в том числе белых. Наибольшее внимание в документе уделено влиятельному бывшему белому генералу-генштабисту Я. А. Слащову-Крымскому (в советских документах писалась фамилия Слащёв), вернувшегося в ноябре 1921 года в Советскую Россию. Возвращению Слащова и группы его соратников на родину предшествовала многомесячная обработка генерала и его окружения упол-

М. Н. Тухачевский. 1920 г.

номоченным ВЧК Я. П. Тененбаумом и другими агентами в Константинополе, санкционированная Троцким³. Впоследствии вопрос о возвращении видных белогвардейцев рассматривался в Политбюро. Переговоры оказались успешными. Среди вернувшихся вместе со Слащовым был начальник его конвоя и близкий соратник бывший полковник Мстислав Владимирович Мезерницкий (1895–1937). Вскоре по возвращении Слащов и Мезерницкий оказались под опекой чекистов, став секретными осведомителями ОГПУ, причём были вынуждены доносить даже друг на друга. Их куратором стал начальник 6-го (белогвардейского) отделения контрразведывательного отдела ОГПУ Игнаций Добржинский (Сосновский) — бывший резидент польской разведки в Москве, захваченный чекистами летом 1920 года и согласившийся работать на большевиков.

Количество секретных осведомителей в среде бывших офицеров в то время было таково, что возникают сомнения: появилась бы упоминаемая в документе подпольная организация в РККА без руководящих указаний госбезопасности или нет? Здесь уместно привести свидетельство бывшего белого генерала Н. А. Морозова из его показаний по делу «Весна» начала 1930-х годов касательно возможности существования политической организации генштабистов в СССР. Морозов тогда заявил: «Никаких политических объединений среди бывших офицеров Генерального штаба я не знаю, и мне не верится, что они могут существовать. Общим же меж-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 11-31-00350а2 «Военная элита в годы Гражданской войны 1917–1922 гг.».

ду нами является наше обучение в одной академии, воспоминания о штабной работе в старой армии, анекдоты об общих всем нам знакомых начальниках, военно-научные вопросы в старой и новой постановке»⁴.

Как бы то ни было, преподававшему тактику на стрелково-тактических курсах усовершенствования комсостава РККА «Выстрел»⁵ Слащову было дано задание внедриться в подпольную организацию и, очевидно, занять в ней руководящий пост. Ещё одним осведомителем органов был начальник танковой дивизии Васильев, предлагавший свои услуги Слащову. Этот военспец предложил бывшему белому генералу ни много ни мало заняться разработкой совместных действий «танков с пехотой на улицах большого города». Однако Васильев не получал задания встретиться со Слащовым по линии ОГПУ и при этом не доложил своим кураторам об этом контакте, то есть возможно, за его неоднозначным предложением скрывались реальные заговорщические мотивы.

В качестве членов подпольной организации в документе названы некоторые представители советской военной элиты — начальник Штаба РККА бывший Генштаба генерал-майор П. П. Лебедев, его ближайший сотрудник, состоявший для поручений при начальнике Штаба бывший Генштаба генерал-майор Г. Н. Хвощинский, помощник начальника Главного артиллерийского управления бывший генерал-майор К.-Г.-Р. Ф. Зейц (в РККА с 1918 года). Упоминается о контактах подпольщиков с С. М. Будённым. Связующим звеном Слащова с организацией являлся бывший кубанский помещик В. М. Корольков, вскоре арестованный.

О контактах осторожного Лебедева с антибольшевистским подпольем в Гражданскую войну упоминали фигуранты дела «Национального центра» ещё в 1919 году⁶. В 1924 году, в самый разгар событий, Лебедев был снят с должности. Более известен своими антибольшевистскими симпатиями Хвощинский. В 1924-м он был арестован, а в 1928 году застрелился. По одной из версий, он не вынес реалий советской действительности и доносов за покровительство

Я. А. Слащов. 1911 г. Научный архив ИРИ РАН. Публикуется впервые.

бывшим белым офицерам⁷. Вдова генерала А. А. Брусилова вспоминала о Хвощинском: «С самого начала большевизма он служил в штабе. Он был из тех, кто думал о пользе родины, о пользе ближнего и всех жалел... тянул лямку 11 лет⁸. Одиннадцать лет пытки — это не всякому удастся... Его несколько раз арестовывали за то, что он протезировал «белым», «бывшим». Но выпускали, т. к. он был нужен по опыту и знаниям. Помню его на панихидах и похоронах Ал. Ал.⁹ Я была мало с ним знакома, но по телефону в эти годы часто с ним говорила. То место достать сокращённому, то из тюрьмы или ссылки спасти погибающего, то лечить даром в больнице, то операцию устроить в госпитале безвозмездно. И никогда Г. Н. не отказывал мне, всегда хлопотал и помогал в моих делах. И всегда я слышала в телефонном спокойный, приветливый голос: «К вашим услугам. Рад служить. Не беспокойтесь, постараюсь устроить»... И всегда устраивал и всегда помогал... Знаю одно, что этот силь-

ный, бодрый, энергичный человек, неутомимый в работе, нужный и полезный, одиннадцатый лет боролся, ожидая, надеясь... Он не сразу умер, промучился пять дней. Мне говорили, будто бы у него были семейные неприятности, я знала, что молоденькая дочь его была подло обманута женатым негодяем партийцем. Но это было пережито ранее. Она служила кассиршей в кооперативе в последнее время, несчастная, одинокая. Но, по другой версии, у него вновь возникли осложнения по службе и что будто бы незадолго до катастрофы от него слышали слова: «Ну уж в этот раз мне не выкрутятся, да всё равно один конец. Только тошно, если грязные руки будут расправляться, лучше уж самому покончить с собой...» Говорят, что были какие-то доносы всё по поводу его покровительства «белогвардейцам» или что-то в этом роде. Да теперь, что бы не болтали досужие обыватели, всё равно...»¹⁰

Бывший генерал Зейц также был арестован, причём о его освобождении как крупного специалиста по организации стрельбы в 1925 году ходатайствовал начальник артиллерийского управления РККА П. Е. Дыбенко¹¹. Несмотря на это ходатайство, в июне 1925-го Зейц был осуждён на три года лагерей. Вопрос о связях упоминаемых в документе лиц со Смоленском и непосредственно с Тухачевским остаётся открытым.

Фрагменты документа без указания шифра хранения были опубликованы историком спецслужб О. И. Капчинским в газете «Независимое военное обозрение» в 2000 году¹², но при публикации были опущены многие значимые пассажи меморандума. С тех пор документ не привлёк внимания исследователей и за 13 лет так и не был полностью опубликован. Мы обнаружили это свидетельство независимо от Капчинского. Значимость данного источника требует введения его в научный оборот в полном объёме.

Автор выражает благодарность директору Института российской истории РАН д.и.н. Ю. А. Петрову и заведующему научным архивом института к.и.н. К. С. Дроздову за предоставленные фотоматериалы.

МЕМОРАНДУМ ПО ДЕЛУ «КОРСИКАНЦЫ»¹³

4 декабря сего года наш секретный сотрудник Мезерницкий б[ывший] гвардейский офицер, нач[альник] конвоя ген. Слащёва, в секретной работе вполне проверенный и надёжный, сообщил, что, узнав от Слащёва о визите к нему известного Мезерницкому активного монархиста Вадима Михайловича Королькова, он пошёл на квартиру к последнему для возобновления связи.

Корольков известен М[езерницком]у, как в прошлом очень богатый кубанский помещик, крупный пайщик Черноморско-Азовского пароходства. Двоюродный брат В. М. К.¹⁴ — В. П. Корольков был товарищем министра путей сообщения правительства Деникина.

По сведениям М[езерницк]ого Корольков ни в одной из белых армий формально не служил, считался крупным «общественным деятелем», всегда имел свои крупные денежные средства, из которых безвозмездно снабжал персонально белых генералов (между прочим Слащёва), когда они временами находились в критическом материальном состоянии. По политическим убеждениям В. М. К. — правый монархист, всегда активный, весьма умный. Отличается общественностью. Всегда имел много ценных связей в самых различных кругах. В 1917–18 гг. В. М. К. вёл активную контрреволюционную работу, детали которой М[езерницк]ому неизвестны. Однажды, Корольков эпизодически столкнулся¹⁵ в своей работе в Москве лично с Борисом Савинковым, который предлагал ему выполнить некоторые террористические

задания. Из-за принципа В. М. К. от совместных действий с Савинковым отказался.

Во время первого визита В. М. К. рассказал М[езерницко] му о себе следующее: После ухода Врангеля он остался в Крыму, скрывался в горах, затем легализировался, почти 2 г[ода] пробыл на Кавказе, где, занимаясь торговлей вином, «хорошо изучил Советский Кавказ», затем переехал в Москву, имеет здесь какую-то посредническую контору, отыскал старых друзей и завёл новых. У Королькова сейчас есть друзья и связи одинаково глубокие и обширные, как среди контрреволюционеров, так и среди коммунистов в учреждениях и в Красной армии.

В. М. К. отнёсся к М[езерницком]у вполне доверчиво, намекнув ему, что он вполне понимает «какие причины побуждали Слащёва и его группу вернуться в Россию».

В. М. К. совсем недвусмысленно указал М[езерницко]му, что в Москве его (Королькова) политическая деятельность связана с крупной контрреволюционной организацией.

Корольков считает, что быстро созревают обстоятельства, при которых белым будет необходимо и объективно возможно совершить военный переворот. При этом Корольков сказал определённо, что техническая подготовка к этому перевороту проводится за крупные французские деньги. Переворот должна совершить Красная армия, направляемая военной организацией, уже достаточно сформированной в её составе. Момент выступления определяют объективные обстоятельства — внешняя война и окончательное банкротство правительства во внутренней хозяйственной политике (примерно: «Смоленск продиктует свою роль Москве»).

Недостатками своей организационной работы Корольков считает 1) недостаточно налаженные связи на Украине, 2) отсутствие подходящего имени военного вождя-диктатора.

П. П. Лебедев, по словам Королькова, в общем «достаточно обработан», но он на первую и активную роль не годится.

В. М. К. дал понять М[езерниц]кому, что одним из подходящих кандидатов для возглавления переворота он считал бы Слащёва, однако, из беседы с ним он вынес какое-то неясное впечатление; Слащёв ему непонятен. Корольков объясняет это продолжительным перерывом их связи, а также тем обстоятельством, что Слащёв чувствует за собой слезку и боится.

Корольков из своих связей среди коммунистов назвал т. Сапронова, с которым он часто встречается и «пьёт водку», Будённого, с которым близко познакомился в Ростове и какого-то чекиста Сафонова.

Одновременно с донесением М[езерниц]кого наш сексот Слащёв сообщил нам о визите Королькова, своего старого знакомого. Слащёв указал, что Корольков в беседе с ним вывил своё ярко контрреволюционное настроение и намекал

на существование контрреволюционной работы в Красной армии. Слащёв вёл свою беседу в неопределённых тонах.

Нами было дано задание Слащёву разработать это дело вплоть до активного вхождения Слащёва в организацию.

Во время последующего свидания Слащёва с Корольковым, когда Слащёв пошёл более навстречу убеждениям и планам последнего, Корольков подтвердил существование контрреволюционной военной организации в Красной армии, стремящейся к военному перевороту в подходящее время.

Из активных членов этой организации Корольков называл Слащёву конкретно: пом[ощника] нач[альника] ГАУ Зейца (быв[ший] ген[ерал-]майор) и Хвоцинского Г. Н. — быв[шего] пом[ощника] нач[альника] Штаба РККА, состоящего в распоряжении нач[альника] Штаба. Корольков обещал Слащёву в ближайшее время ввести его в круг членов организации, в первую же очередь свести с Хвоцинским (для этого имеется предлог).

Слащёв указал Королькову совершенно резко, что «если в этом деле что-нибудь не так», то он, Слащёв, обещает Королькову, во всяком случае первую пулю в лоб. На это Корольков сказал со смехом, что это само собой понятно.

Предстоят более конкретные свидания Слащёва с Корольковым и членами организации.

Одновременно внимание Слащёва обратил происшедший случай, когда к нему, неожиданно и без ясного служебного предлога, явился начальник танковой дивизии ГАУ Васильев, бывший офицер. Васильев сразу перешёл на дружеский разговор, направляя его весьма двусмысленно, как бы изучая настроение Слащёва. Он, между прочим, предложил Слащёву заняться вопросом планировки совместного действия танков с пехотой на улицах большого города¹⁶ и тотчас же указал в шутовском тоне, что большинство прежних слащёвских танков¹⁷ находится сейчас в распоряжении ГАУ и он, Васильев, может их в любую минуту Слащёву показать. Васильев передал Слащёву привет от своего брата, служившего раньше в корпусе Слащёва. С[лащёв] такого не помнит. Выяснилось, что Васильев является осведомителем О[собога] о[тдела] МВО¹⁸, задание на Слащёва он не получал и сообщений о нём не делал (прошла уже неделя) (Свидание было 21-ХІІ)¹⁹.

Отмечается, что Корольков, рассказывая Слащёву о военной организации, её формы и влияние изобразил в гораздо менее широких размерах, чем М[езерниц]кому. Напр[имер], Слащёву К[орольков] ни слова не сказал о французских деньгах, якобы, движущих этой работой. Разработка продолжается.

Нач[альник] 6 отд[еления] КРО ОГПУ Сосновский
«27» декабря 1923 г.

РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 318. Л. 49–51.
Подлинник. Машинопись.

Примечания

1. Цит. по: Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная армия. Деятельность органов ВЧК–ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М. 2008. С. 286.

2. Подробнее см.: Там же. С. 288–290; Он же. «Тёплая компания» «Красного Бонапарта»//Родина. 2008. № 12. С. 43–47; Минаков С. Сталин и его маршал. М. 2004. С. 304–305.

3. Подробнее см.: Возвращение генерала Слашова/Публ. А. А. Здановича//Неизвестная Россия. XX век. Вып. 3. М. 1993. С. 107–118.

4. Ведомственный архив Службы безопасности Украины (Галузевий архів Служби безпеки України, ГАСБУ). Ф. 6. Д. 67093–ФП. Т. 250. Л. 64 об.

5. Привлечение на военно-педагогическую работу такой фигуры, как Слащов, вызывало недовольство среди партийных работников в армии. В коллективном обращении в ЦК РКП(б) коммунистов — военных

работников Ленинградского военного округа прямо отмечалось, что «такому элементу, как бывш[ий] ген[ерал] Слащёв-Крымский, достаточно прославившему[ся] своими расправами с коммунистами в Крыму и расстрелами наших пленных, не только партийцев, но и вообще красных, не место в «Выстреле». Верить его идеологическому перерождению было бы ошибкой и преступлением перед памятью замученных им коммунаров. А таких слащёвых найдётся не один десяток во многих управлениях. ЦК необходимо в целях сохранения морального единства армии пересмотреть своё отношение к «слащёвым»//Красная армия в 1920-е годы. Вестник Архива Президента Российской Федерации. М. 2007. С. 106.

6. Красная книга ВЧК. М. 1989. Т. 2. С. 251, 408.

7. Письмо Н. В. Брусиловой друзьям. 26 ноября 1928 года//Бахметевский архив Колумбийского университета (Bakhmeteff Archive, Columbia university, BAR). Aleksei A. and Nadezhda V. Brusilov papers. Box 1.

8. Речь идёт о службе большевикам с 1917 по 1928 г. Брусилова.

9. Письмо Н. В. Брусиловой друзьям. 26 ноября 1928 года//BAR. Aleksei A. and Nadezhda V. Brusilov papers. Box 1.

10. Офицерский корпус в политической истории России: 1935–1940 гг. Т. 5. М. 2003. С. 22–23.

11. Капчинский О. «Наш сексот Слащёв сообщил...» Известный белогвардейский генерал работал на ОГПУ// Независимое военное обозрение. 2000. 15 декабря.

12. Карандашная резолюция: «лично т. Дзержинскому Агранов 27 XII 23».

13. Здесь и далее речь идёт о В. М. Королькове.

14. В документе — «соткнулся».

15. Разрядка документа.

16. Речь идёт о трофейной бронетехнике, захваченной частями РККА у белых в 1920 г.

17. МВО — Московский военный округ.

18. Рукописная вставка.